

СЕМЕНА ДЛЯ ПОПУГАЙЧИКОВ

Роман

*Душа моя, паскудно матерясь,
Сидит на мне, сидит и, падла, курит.*

Аркадий Кутилов

1

Из моего окна видно, как на проспекте кладут асфальт. Каток неторопливо утюжит новое черное покрытие. Завтра выпадет снег, и каток наверняка не закончит свою работу. Его отбуксируют в какой-нибудь отстойник дорожного хозяйства до весны. Зачем же он так усердно уплотняет эту маслянисто-черную поверхность, если точно известно: завтра выпадет снег?

На это никто не ответит. Есть асфальт, который произвел завод, есть рабочие, есть каток. Рабочие получают зарплату за сегодняшнюю работу, каток встанет, завод тоже остановится. Весенними днями асфальт будет освобождаться от воды и снега, к ночи опять покрываться льдом и разрушаться вместе со старым дорожным покрытием. Неумолимая физика... Какая-то необязательность во всем этом, случайность, творение без замысла.

У меня перерыв. Я отвез продавца с рыбками на рынок, забирать его часов через пять, не раньше. Бизнес такой у моего знакомого акварииста. В большой подвальной комнате огромные аквариумы с золотыми рыбками, телескопами, барбусами. Не помню всех названий, не стараюсь запоминать, голову замусоривать. Сначала я любовался причудливыми созданиями, удивительными формами и красками, потом стал относиться к ним, как все профессионалы. Хотя профессионалом я не стал и никогда не буду, не хочу. Они мне уже до чертиков надоели, эти рыбки. Знакомый в своем хозяйстве постоянно подсчитывает приросты, привесы, приплоды, будто речь идет о какой-нибудь говядине. Слава Богу, мне не приходится ухаживать за всем этим рыбьим царством, для этого нанят специальный человек. Он, кстати, терпеть меня не может, поскольку отчетливо видит во мне дилетанта. При том я считаюсь совладельцем предприятия, а он, специалист, всего лишь наемный работник. И еще ему надо по выходным выстаивать на рынке.

Позвонила знакомая из села, известного тем, что в нем когда-то родился известный писатель.

— Я приеду на следующей неделе. Ты как?

— Как?..

Я замялся, перебирая в голове дни своей занятости, и этого хватило, чтобы она взбрыкнула:

— Все понятно, я не приезжаю.

Услышав отбой, я не особенно расстроился, хотя как раз сегодня утром вспоминал о ней: вот бы приехала, мы отправились бы на знакомую лесную полянку, занялись бы любовью в машине... До встречи с ней я ни разу не использовал автомобиль для этой цели и, помнится, даже сопротивлялся, когда в тот, первый, раз она начала раздеваться.

— Я так не могу, — отбивался я, — мне нужны условия, постель... А вдруг увидит кто?

— Ха-ха! Если здесь кто живой и появляется — за тем же самым. А нет — пускай завидуют.

У нее удивительно белая, с мраморным холодком кожа, по-детски маленькие, в ямочках, беззащитные на первый взгляд, но на самом деле крепкие и бесстыдные руки, упругие груди с бледно окрашенными сосками и невыносимо жадные губы. Пожалуй, меня более всего и подтолкнули к ней бесстыдство ее и жадность... Кто бы мог подумать! Тихий музейный работник из далекого села...

Познакомились мы на каком-то литературном празднике. Я тогда работал в не очень толстом и совсем не литературном журнале. Внимание она привлекала прежде всего тем, что приставала со своим диктофоном ко всем подряд. Очевидно, всех здесь она представляла писателями, а это, по ее мнению, народ необыкновенный. К тому же, ее работа обязывает заводить личные знакомства с людьми творческими, и так далее и тому подобное. Это уже много дней спустя она мне поясняла. К самому старому, а стало быть, опять же на ее взгляд, умному, просвещенному, мудрому, она напросилась в гости. Потом рассказывала, что он открыл дверь в несвежих трусах армейского образца до колен, усадил напротив портрета своего деда, когда-то знаменитого купца, выставил водку и кофе и все время, с тех пор, как открыл дверь, не умолкал ни на секунду.

В конце концов предложил прямо сейчас переехать к нему в качестве не то секретарши, не то домоправительницы, не то все вместе.

На сообщение о муже и дочке среагировал весьма странно:

— А что, им негде жить?

Наряд он так и не сменил, а на прощание заявил, что многие почли бы за честь...

— Он же старый, — высказала она потом удивление.

— Ну и что? — мне хотелось подбавить глупости в ситуацию. — У него квартира, видела какая? Или не всю показал? В центре, большая. Ты же хочешь жить в городе? Может, отписал бы со временем.

В это я и сам не поверил, такие, как он, переживают века и народы, после себя оставляя другим только нетленное.

* * *

Подшло время ехать за продавцом. Стоял октябрь, уже отсыпали первые снега, и даже три дня кряду простояли сугробы. Но теперь все растаяло, о снегопаде напоминают лишь ветки, целые деревья, оборванные провода, не выдержавшие навалившейся на них тяжести. Месячная норма — так сказали по радио наутро после снегопада. Даже природа бывает не готова к внезапной зиме, что уж говорить о человеке. А жаль, думается мне, так бы и засыпало, погребло бы все под собой это замечательно безрадостное, белое и холодное покрывало. Но сегодня двадцать три градуса выше нуля.

— Сибирь, твою мать! — отчего-то не радуется вновь обретенному теплу наш наемный работник, он же продавец.

Он молод, высок, строен, взгляд его поначалу кажется проницательным, но, чуть пообщавшись с ним, понимаешь, что это не так, ибо проницает он как бы в никуда, без задачи. И когда это доходит до тебя, интеллигентная бледность продавца тоже видится неуместной. И, тем не менее, он сильно отличается от множества торгующего рыбками народа, замкнутого в малом пространстве рыночного закутка размером в полторы сотни квадратных метров. Все ниже его на голову, одеты плохо, с помятыми, будто со сна, лицами. Похоже, своим видом все они выполняют одну задачу — не отличаться друг от друга и вместе с тем сливаться с серыми стенами, заплыванным полом и продымленным на века потолком. Может, весь их облик, похожесть и объединяющая всех серость имеют глубокий смысл: не отвлекать на себя взгляд покупателя от роскошного разнообразия красок и форм.

Как лучше подать товар, все здесь знают, можно не сомневаться. Удачно размещенная подсветка, фон за задней стенкой аквариума, даже оттенок люминофора, заставляющий чешую играть новыми, незнакомыми оттенками, — все продумано до мелочей.

А теплом все они недовольны по одной простой причине: народ рванул на свои дачи, дружно забыв, что они уже давно законсервированы до будущего сезона. На рынок идти некому. Кстати, летом рыбная торговля замирает начисто. Зато уж зимой... Торговый народ прекрасно знает, что в холода перечень досуга у большинства сограждан невелик, в выходные это рынок да магазины.

Так и есть, на рынке одни продавцы, наш радуется, завидев меня.

— Ноль! — торжествует он. — У всех по нулям!

Хозяин нашей фирмы, упорно называющий себя совладельцем, нисколько не расстроен.

— Это нормально, — в голосе преувеличенная бодрость. — Все равно выходить надо, мелькать, притираться. Раз не пришел, два — забыли.

Очевидно, он прав, подобные хитрости тоже часть бизнеса.

Все, моя работа сегодня закончена. Совладелец вернул рыбок на их постоянное место обитания, в огромные аквариумы, выставленные вдоль стен подвального помещения, арендованного у школы. Мы обещали пускать на экскурсии учеников школы бесплатно, за то и были пущены сами. На прощание легонько прикасаюсь к стеклу, за которым без устали мельтешат попугаи. Эти рыбки весьма далеки по виду от своих пернатых тезок, у них и окраска у всех одинаковая, оранжевая.

До вечера далеко. Отправляюсь на своем «жигуленке» в лес. Пусть это будет небольшой компенсацией за мое нынешнее невнимание к нему. В течение всего лета несколько коротких прогулок, один раз со смехотворным грибным добытком. Иногда мне приходит в голову, что не будь у меня машины — я вообще перестал бы бывать в лесу. А в другой раз подумается совсем наоборот: не колеса — сел бы на электричку и пошел себе от станции, куда глаза глядят, с рюкзачком. Да по солнцу. Да по мху на стволах старых сосен, да по ходам в муравейнике... Мой «жигуленок», помимо небольшой суммы денег, есть та самая доля в нашем рыбном деле, за что меня называют совладельцем. Честно сказать, роль водителя меня вовсе не устраивает — это первое, во-вторых, жалко машину, которую неизвестно каким образом и на какие средства восстанавливать. А в-третьих, вообще ничего не известно — будет ли прибыль, сколько, когда, в каком соотношении распределится? Хорошо нашему наемнику, он уже сейчас получает зарплату.

А лес я люблю, знаю, мог бы даже считать себя лесным человеком, если бы не одна странность: не могу зайти в глубину леса, чтобы не заблудиться. Пусть ненадолго, на чуть, на один небольшой лишний круг — но обязательно заплутаю. Ключи от машины отдаю жене, зная, что она далеко не пойдет, будет кружить рядышком,

зная о моем пространственном идиотизме, в случае чего посигналит. Сигналить-то она сигналиит — да толку; два-три увала — и не слышно ни сигнала, ни ау. Грибы я ищу, как деревенские говорят, ногами, оббегаю большие пространства. Не всегда это приносит результат, но так уж я привык. Далеко ухожу, увлекаюсь, оттого, наверно, и плутаю. А потерял направление — тут уж не до грибов, ношусь по лесу, проклиная себя, машину, без которой взял бы да и ушел на большак, уж его-то не промахну...

— Скажи: Господи, помоги, — напутствует жена.

Скажу — и заплутаю. Ищу тропу, а в голову чего только ни взбредет. Наверно, лес меня не любит, не хочет отвечать взаимностью. Но, может быть, это логика первого порядка, а на самом деле он любит меня настолько, что не хочет отпускать. Того и гляди, насовсем оставит.

Лес в пригороде пестрый: здесь и яблони-дички, рябина, карагач, береза, липа, но в основном сосны. Он ведь, этот лес, и называется ленточным бором. Все здесь перепутано малинником, чапыжником, каким-то свирепым колючим подлеском... Главное, не обращать внимания на многочисленные помойки, тут и там обозначающие близкое присутствие человека. Тишина, тепло, воздух покоен и чист, но лес не выказывает умиротворения, он скорее насторожен. В лучах заходящего солнца сиротливый вид обнаженных берез и осин вызывает какую-то особенную жалость. Зимой они, такие же голые, просто спят, нет ни волнующего зова, ни ожидания. Но сейчас, хотя и середина октября, по здешнему календарю почти зима, а тепло, как летом. Деревья, наверно, чувствуют себя обманутыми.

Все, сеанс лесной терапии закончен... Не так давно мы встречались с бывшими одноклассниками. Не было натуги, столь обычной, когда школьные годы пытаются подтянуть к сему дню через силу. Надо. Память. Куда там, милые! Десятки лет вы все играли в другие игры... Было скромное застолье, разговоры обо всем понемногу. А потом кто-то сказал:

— Пора заканчивать вечер, он уже утрачивает томный настрой.

Так нынче и с лесом, куда сбежал я от рыбок и их хозяина. Я ничего про него не знаю толком, даже фамилии, и все время думаю, что он обязательно меня облапошит. Он когда-то сидел — где, сколько, за что — опять же мне не известно. Но тюрьмы боится до дрожи, даже упоминание о казенном доме или лагере может привести его в уныние до конца дня. Лицо у него в шрамах, голова во вмятинах и пробоинах. Как кузов моего «жигуленка».

— Ну, это, в общем...

Так начинается его вступление в разговор. С кем бы то ни было. Иногда тем все и заканчивается. Остальное он доносит жестами. С ним до жути скучно.

* * *

Дома меня дожидается сын. Так, наверно, надо было бы сообщить, следуя обычным правилам описания обычной ситуации. Однако в том-то и дело, что он никогда меня не дожидается. Сидит за компьютером, и дела ему нет до того, пребывает ли кто, кроме него, в этот момент на жилплощади.

— Обедал?

Смотрит, будто его спросили, не убил ли кого он только что.

— Сейчас разогрею. На улице хорошо, вышел бы, прогулялся.

— Иди сам с гопниками общайся.

— Опять приставали?

Сын промолчал, лишь застучал по клавиатуре с подчеркнутым остервенением. Скорей бы он развалился, — подумал я о нашем электронном члене семьи. Честное слово, не знаю, что делать. Когда умерла жена, я видел в этом премудром ящике спасение и не трогал сына, сутками торчащего перед монитором. Забывается парень, хорошо.

Прошло больше года, только наш режим не изменился. На экране бегают человечки, летают чудные аппараты, какие-то дикийные существа прыгают, прячутся в укрытия — и все это стреляет, заливая пространство кровью.

Кто такие гопники, я представляю плохо. Вижу неподалеку от дома группки молодых людей от пятнадцати до девятнадцати. Одеты все на удивление неопрятно и как-то уж чересчур одинаково: черные кожаные куртки, такие же кепки, шаровары и кроссовки с китайского рынка. Пьют пиво, курят, матерятся. Все это давно стало обычным и даже обыденным.

— Чего хотят? — спрашиваю.

— Денег, — пожимает плечами сын.

— А дубиной по голове?

— Стрелять пора, — не соглашается он с мягкостью предложения.

Вряд ли их интересуют только деньги. Тут что-то еще, неспроста они вьются около моего парня и таких же студентов-умников. Они из другой социальной среды, и достаток тут совершенно ни при чем. Помню, в десятом